

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ПЕРСОНИФИКАЦИИ

проф. ф. н. каф. французского языка и литературы **Мамадалиев Ахмадали**,
ст. препод. каф. немецкого языка и литературы **Каримова Нодирахон Абдурашидовна**,
Андижанский Государственный Университет, факультет иностранных языков,
Узбекистан, г. Андижан.

DOI: https://doi.org/10.31435/rsglobal_ijitss/31012019/6325

ARTICLE INFO

Received 09 November 2018

Accepted 22 January 2019

Published 31 January 2019

KEYWORDS

the common sema is
anthroponym, non-
anthroponym, dyoisotopy,
privative opposition,
equipollent opposition, gradual
opposition, multidimensional
opposition, personification,
animation, reification,
faunonimization,
concretization.

ABSTRACT

This article discusses of the semantic basis of personification, for which, on the basis of oppositive methods and component analysis of words, semantic classes are established which are subjected to semantic transference of words and a common “meaning” (sema) that serves as the basis for the transference. In general, the meaning in the paradigmatic plan can serve as the semantic basis of the transference and in the syntagmatic plan as the semantic element of the connection of words.

Citation: Мамадалиев Ахмадали, Каримова Нодирахон Абдурашидовна. (2019) К Voprosu o Semanticheskoy Osnove Personifikacii. *International Journal of Innovative Technologies in Social Science*. 1(13). doi: 10.31435/rsglobal_ijitss/31012019/6325

Copyright: © 2019 Мамадалиев Ахмадали, Каримова Нодирахон Абдурашидовна. This is an open-access article distributed under the terms of the **Creative Commons Attribution License (CC BY)**. The use, distribution or reproduction in other forums is permitted, provided the original author(s) or licensor are credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice. No use, distribution or reproduction is permitted which does not comply with these terms.

Персонификация – факт языка – обычно рассматривается как композиционно-стилистический приём /23, 135/, заключающийся в приписывании неодушевлённым предметам, абстрактным понятиям /13, 207/, животным /25, 204/ далее фаунонимы 20,6/ качеств одушевлённых, таких как дар речи, способность вступать в отношения свойственно человеческому обществу и т. п. /2, 286/ и использующийся в целях создания образности и поэтичности, а также в достижении юмористического и сатирического эффекта/ подчеркнуто Э.Г. Ризель / 25, 204/. Однако сам процесс приписывания неантропонимам свойств, признаков и действий антропонима остаётся спорным и недостаточно изученным. Рассматривая персонификацию с психологической точки зрения, одни лингвисты отмечают, что приписывание неантропонимам качеств присущих антропониму – это проявление «извечного несовершенства человеческого разума» /3, 221/, что «с самого начала развитие речи приводило и приводит к созданию таких метафор как *le soleil se lève, le vent souffle* и т. п.» /3, 221/. Другие лингвисты исходя из самой природы языка, а точнее природных свойств глагола, утверждают, что «любое употребление глагола вообще предполагает до некоторой степени олицетворение подлежащего» /22, 117/.

Третье лингвисты, исследующие явление персонификации, видят её в особом процессе абстракции, где действие рассматривается в своём наиболее абстрактном и наиболее общем виде. Как только представляется другое подобное действие, оно вычленяется из первого, чистого понятия действия, но добавляется элементы, которые делают его соотносимым с живыми

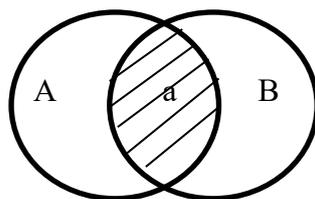
существами. Таким образом, относящийся к живым существам, употреблённый метафорически и являющийся символом только родства действий, становится в то же время символом родства между разными предметами, которым приписываются данные действия /33, 155, 157/.

При всей существенности приведённых точек зрения надо отметить, что из первых двух вытекает признание произвольности персонификации, что вызывает возражения /об этом см. ниже/. В то же время во втором случае, также как в третьем, явление персонификации ограничивается только приписыванием неантропонимам деятельности антропонима, тогда как фактически им можно приписывать также и свойства, и признаки антропонима. С этой точки зрения персонификация обычно рассматривается как одна из неотъемлемых частей метафоры /13, 207; 9, 17; 25, 204; 30, 139; 31, 21/. В метафоре выделяется три содержательных элемента /34, 278/, одним из которых является сходная черта, позволяющая приближение двух предметов, или «общий признак / в языковом плане – общая сема /» /29, 43/.

Данный элемент (который мы будем обозначать «общей чертой» между разнородными предметами, в семантическом плане – «общей семой») обнаруживается и в процессе персонификации, что отвергает точку зрения произвольности приписывания неантропонимам свойств, признаков и действий антропонима. К рассмотрению этого вопроса и посвящается данное исследование. В статье делается попытка выделить общую сему в семантической структуре слов /16, 95/, обозначающих антропонимы и неантропонимы, и показать её роль при персонификации последнего. Общая черта между разнородными предметами носит одновременно и объективный и субъективный характер. Она объективна, потому что «одно и то же свойство может быть присуще различным вещам» /27, 39/ /выделено А. И. Уемовым/. Человек, сложное создание природы, имеет с неантропонимами многочисленные объективные сходства и связи, которые выражаются в языковом плане одинаковыми семами.

Субъективность общей черты заключается в том, что её нахождение и передача в языке часто связаны с опытом, с интеллектом, с творческой фантазией говорящего, хотя « объективно обусловлена, в конечном счете, и человеческая фантазия» /4, 235/, которая при абстрактном мышлении зачастую находит самые неожиданные общие черты между разнородными предметами в их внешней форме, в функциях, в их действиях, свойствах, признаках и т. п., которые в языковом плане также часто выражаются одинаковыми семами, т. е. общей семой /10, 78/ - элементарной смысловой единицей, обозначающей в сознании говорящих объективно присущих общим чертам разнородным денотатам, или приписываемые им данной языковой средой или ситуацией.

Другими словами, объёмы значений слов, обозначающих разнородные предметы /в широком смысле слова/ могут иметь пересекающиеся семы, обозначающие свойства, признаки, действия и т. п. данных предметов. Если условно обозначить объёмы значения слов F1/F2 обозначающих разнородные предметы R1 и R2 буквами А и В, а общую сему буквой „а“, то пересечение их объёмов значений может быть изображено в виде

что может быть написано формально $A \cap B$, или в расширенном виде $A \cap B = \{a/a \in A \wedge a \in B\}$ /8/.

Где „а“ может быть отражающей различных абстрактных общих черт свойственных R1 и R2. Однако, при своей объективности существования определенных общих черт, следовательно, общей семы «а» в А и В, метод выделения как общих, так и дифференциальных сем, в А и В находится в стадии разработки /12/

Методом компонентного анализа и методом вычленения «ниш» и «блоков» /14, 5-6; 28, Ю-П/ можно выделить следующую иерархию сем: субстанциональность – непредметность, предметность – неодушевлённость, одушевлённость – пол /муж., жен./ – фантастичность /фантастические существа/, фаунонимичность, антропонимичность – профессия, национальность, топонимическая принадлежность, качественная характеристика, пейоративность. Продолжая таким образом членение сем на все более мелкие разряды, можно довести анализ вплоть до дифференциальной семы на уровне отдельной лексемы /14, 6; 28, П/.

Представляется, что подобный анализ может быть проделан и при помощи оппозитивного метода, рассматривающегося современными лингвистами как один из плодотворных методов при изучении семантического аспекта лексики /26, 285; 5, 40/.

На основе привативных и эквивалентных оппозиций в сфере лексем можно выделить грамматические, доминирующие лексические и частные подчинённые лексические семы. Путём идентификации лексических единиц по данным семам можно определить их семантические классы. В основе данных семантических классов доминирующие семы одновременно являются идентифицирующими, независимыми и ядерными семами данных семантических классов /5, 40-42/.

Если в семантической структуре существительных сема «субстанциональность» /s/ занимает доминирующее положение /28, 10/, т. е. является идентифицирующей, независимой, доминирующей и ядерной семой данного семантического класса, то семы «непредметность» /ab/ и «предметность» /c/ являются её дифференциальными семами и находятся с ней в привативной оппозиции, т. е. в положении включения или в положении подчинения или формально $c+ab/ \leq s$. Сема /s/ является категориальной семой по отношению своего семантического класса а по отношению к своим дифференциальным семам /ab/ и /c/ является архисемой. Семы /ab/ и /c/ находятся между собой в эквивалентной оппозиции $ab \approx c/$. В то же время они являются доминирующими, идентифицирующими независимыми и ядерными семами т. е. категориальными семами своих семантических классов. По отношению к своим дифференциальным семам они в свою очередь являются архисемами и находятся с ними в привативной оппозиции. Сема /ab/ находится в привативной оппозиции с семами, являющимися доминантными, идентифицирующими, независимыми и ядерными семами более мелких семантических групп и рядов. Сема /c/ находится в привативной оппозиции со своими дифференциальными семами «одушевлённость» /an/ и «неодушевленность» /inan/, которые в свою очередь являются доминирующими, идентифицирующими, независимыми и ядерными или категориальными семами своих семантических классов. Семы /an/ и /inan/ находятся между собой в эквивалентной оппозиции $an \approx inan/$ Сема /inan/ находится в привативной оппозиции с доминирующими, идентифицирующими, независимыми и ядерными семами более мелких и семантических групп и рядов, следовательно, является их архисемой. Сема /an/ находится в привативной оппозиции со своими дифференциальными семами «антропонимичность» /p/ и «фаунонимичность» /f/, которые находятся между собой в эквивалентной оппозиции. Семы /p/ и /f/ являются доминирующими, идентифицирующими, независимыми и ядерными, и, следовательно, категориальными семами своих семантических классов. По отношению к семам «пол», «возраст», «вид», «масть», и т. п., обозначающих черты фауны, сема /f/ является архисемой и находится с ними в привативной оппозиции. По отношению к семам «пол», «национальность», «топонимическая принадлежность», «качественная характеристика», «профессия», «идеология», «свойственная деятельность», обозначающих черты антропонима, сема / p / является архисемой. Каждая из этих сем в свою очередь находится в привативной оппозиции со своими дифференциальными семами, т. е. являются их архисемами. Например, сема «пол» находится в привативной оппозиции со своими дифференциальными семами: «муж. пол», «жен. пол», и т. е. является их архисемой, сема «возраст» с семами «молодой», «взрослый» и «старый»; сема «национальность» со всеми возможными национальностями /Russe, Français, etc./; сема «топонимическая принадлежность» с возможными топонимическими принадлежностями /Africain, Europeen, etc./, сема «качественная характеристика» с семами обозначающими качественную характеристику антропонима /blond(e), bavard(e), etc./; сема «профессия» с семами, обозначающими виды профессии /constructeur, charpentier, etc./; сема «идеология» с семами обозначающими всевозможные разновидности идеологии /socialiste, idéaliste, etc./; сема «свойственная деятельность» с семами, обозначающими свойственные деятельности антропонима /parleur, penseur, etc./ . Данные семы могут находиться в привативной оппозиции с дифференциальными семами на уровне отдельной лексемы. Например, сема, «cultivateur» находится в привативной оппозиции с дифференциальными семами на уровне отдельной лексемы „tracteur“, „conducteur de moissonneuse-batteuse“ или она сама может быть дифференциальной самой на уровне отдельной лексемы.

В зависимости от сложности своих семантических структур лексемы имеют иерархию сем разной величины. Выделяемые такими путями семы в семантической структуре лексем раскрывают только «формальные понятия» /21, 18-19/ предметов, тогда как их «содержательные понятия», обозначаемые в языковом плане потенциальными семами, остаются нераскрытыми.

Раскрытие содержательных понятий предметов, т. е. потенциальных сем, осуществляется компонентным анализом. Выделенные оппозитивным методом и методом компонентного анализа семы, кроме привативной и эквиолентной оппозиций, могут находиться между собой в градуальной и многомерной оппозициях.

В градуальной оппозиции находятся семы, занимающие разные положения в иерархии сем в семантических структурах слов, обозначающих разнородные предметы, например, сема /p/ находится в градуальной оппозиции с семой /inan/ через свою доминирующую сему /an/, тогда как сема /inan/ находится в градуальной оппозиции с семой /p/ через сему /an/, находящуюся с ней в эквивалентной оппозиции и т. п.

Семантические переносы наблюдаются именно между семантическими классами, ядерные семы которых находятся в градуальной или в эквиолентной оппозициях.

В многомерной оппозиции находятся семы, обозначающие одинаковые черты разнородных предметов и находящиеся на одинаковом уровне в иерархии сем. Например, если иерархия сем семантических структур слов *enfant* и *poulain*, обозначающих разнородные предметы, выглядит соответственно:

$S \geq c > an \geq p \geq \text{муж.пол} \geq \text{молодой} \geq \text{потомство}$ и т. д.

$S \geq c > an \geq f \geq \text{муж.пол} \geq \text{молодой} \geq \text{потомство}$ и т. д.,

то семы «муж. пол», «молодой» «потомство» в данном случае находятся в многомерной оппозиции через свои архисемы / p /и /f / находящиеся между собой в эквивалентной оппозиции. Семы, находящиеся в многомерной оппозиции и являются общими семами для *enfant* и *poulain*. На основе этих общих сем возможны семантические переносы между *enfant* и *poulain*, „Ils (les chevaux) n'eurent pas beaucoup d'enfants, car la magnifique blonde mourut, hélas! Dix jours après ses deuxièmes couches, en 1734" (M. Druons).

Где «*enfants*» употребляется в значении «*poulains*» благодаря общей семе «потомство». Общая сема может быть выражена в сфере самих слов, обозначающих антропоним и неантропоним подобно / в словах *enfant* и *poulain*/, или она может быть выражена в отдельных словах, обозначающих схожие качества антропонима и неантропонима. При персонификации необходимо, чтобы употребляющиеся в тексте эти отдельные слова относились только к антропониму, или уточнялись контекстом или ситуацией, что они в данном случае обозначают качества антропонима. Например, в предложении „Sur la mer, au large, se baisaient, se quittaient et gesticulaient les projecteurs“ (J. Cocteau. Избр. пр.) общие семы выражены в глагольных лексемах *se baiser*, *se quitter* и *gesticuler* первая и третья из которых относятся только к антропониму, тогда как отнесенность второго глагола к антропониму в данном случае уточняется первым и третьим глаголами.

Таким образом единица А и единица В, кроме обозначения своих собственных «а» в сфере тех предметов, «для обозначение которых они и были сформированы в языке» /6, 80/, могут употребляться в значении «а» по отношению друг друга. Например, слово *enfant* предназначено в языке для обозначения молодого человека, ребёнка, тогда как «*poulain*» - для обозначения молодой лошади, жеребёнка. Когда слова *enfant* и *poulain* употребляются для обозначения соответственно ребёнка и жеребёнка, они употреблены в своих прямых значениях, в прямой номинации или в глубинной структуре. Когда слова *enfant* употребляется для обозначения жеребёнка или, наоборот, слово *poulain* употребляется для обозначения ребёнка в значении «а» /молодой, потомство и т.п./, то они употреблены в переносном значении, в косвенной номинации или в поверхностной структуре /17/.

При этом семантическая структура единицы поверхностной структуры как бы накладывается на семантическую структуру единицы глубинной структуры в значение «а», где выявляются персонифицирующая, анимализирующая, овеществляющая и т.п. семы. В подобных случаях семантическая структура единицы глубинной структуры обогащается за счёт семантической структуры единицы поверхностной структуры, вследствие чего возникает двуизотопия /**bi-isotope**/32, 69-101/ в речи, изотопия антропонима и изотопия неантропонима.

Когда семантическая структура антропонима накладывается на семантическую структуру неантропонима на основе общей семы, наблюдается персонификация неантропонима. При этом персонифицирующийся неантропоним получает полную парадигму иерархии сем того антропонима, под которым он представляется. В то же время персонифицирующийся неантропоним не теряет категориальную сему / 11/, а наоборот вместе с категориальной семой антропонима /p/ создаёт двуизотопию: изотопию текста и изотопию метатекста /19/. Изотопия метатекста указывает, о чём идёт речь, тогда как изотопия текста указывает отношение говорящего к данному предмету.

Обычно персонифицируются неодушевлённые предметы, фаунонимы и абстрактные понятия, так как именно доминирующие семы этих семантических классов находятся в эквиполентной и градуальной оппозициях с доминирующей семой / р / семантического класса антропонимичности. Следовательно, в речи создаётся двуизотопия: антропоним – неодушевлённый предмет, антропоним - фауноним, антропоним – абстрактное понятие, где антропоним выступает как единица текста.

Кроме того, что общая сема служит основой семантического переноса в парадигматике, она является семантически связывающим компонентом, т. е. «классемой» /15/ или «синтагмой» /18, 376/ переносно употребляющихся слов в синтагматике, что при употреблении слов в прямых значениях выполняется архисемами, категориальными или потенциальными семами в зависимости от реализации сем семантической структуры слова.

При персонификации фаунонима семантическая структура антропонима накладывается на семантическую структуру фаунонима в значении «а», где кроме семи «а» их семантические структуры совпадают в архисемах „s“ и „c“, „an“ В зависимости от их семантических структур они могут совпасть в семах «пол», «возраст». Однако их семантические структуры расходятся в категориальных семах „p“ и „f“. В подобных случаях семантические структуры антропонима и фаунонима как бы сливаются, обогащаясь за счёт категориальных сем „p“ и „f“. Категориальные семы „p“ и „f“ в свою очередь создают изотопию фаунонима и антропонима. При персонификации фаунонима показателем изотопии антропонима является категориальная сема „p“, единицы текста, тогда как показателем изотопии фаунонима является сема /f/, единицы метатекста; следовательно, категориальная сема „p“ единицы текста является персонифицирующей семой фаунонима, что распространяется на персонификацию неодушевленных предметов и абстрактных понятий /о них см.ниже /.

Если категориальная сема /f/ является семой единицы текста, а категориальная сема «р» – единицы метатекста, то наблюдается анимализация антропонима, рассмотрение которой выходит за рамки данной статьи.

Если семантическая структура фаунонима, реализованного в значении собственной «а», равна $a \in f \leq an \leq c \leq s$, что соответствует прямой номинации, или глубинной структуре, то семантическая структура антропонима, реализованного в значении собственной «а», равна $a \in p \leq an \leq c \leq s$, что в свою очередь соответствует прямой номинации, или глубинной структуре. При персонификации фаунонима на основе общей семы «а» наблюдается $a \in (f+p) \leq an \leq c \leq s$ где семантические структуры антропонима и фаунонима сливаются в значении “а”, обогащаясь за счёт категориальных сем “р” и “f”, которые создают в речи двуизотопию: изотопию фаунонима в метатексте и изотопию антропонима в тексте. Например, в предложении: Un lièvre, qui passait m'imita: il riait; sa lèvre était fendue, à force d'avoir ri. (R.Rolland.Colas Breugnon).

Семантическая структура антропонима *une personne* накладывается на семантическую структуру фаунонима *un lièvre* на основе общей семы “положение губ у смеющегося человека и у зайца” выражаемой в глагольной лексеме “rire” обозначающей деятельность антропонима. Таким образом, в данном случае семантическая структура фаунонима *un lièvre* формально выглядит $a \in (f+p) \leq an \leq c \leq s$.

Такие же закономерности наблюдаются и при персонификации неодушевленных предметов и абстрактных понятий. Например, в предложении “Le soir qui terminait son existence paysanne Laurent alla au bord de l’Oise: les herbes s’inclinaient, les eaux chantaient, un fort courant créait des tourbillions; ... (E.Dabit., Train de vies).

Семантические структуры здравствующего и поющего антропонима накладываются, соответственно на семантические структуры слов, обозначающих неодушевленные предметы *les herbes* и *les eaux* соответственно на основе общих сем “положение формы тела здравствующего человека и трав” и “испускание приятных звуков”, выражаемые в глагольных лексемах “s’incliner” и “chanter”, что формально выглядит $a \in (inan+p) \leq an \leq c \leq s$.

В примере: “Comme tu fuis, avril! Si tôt finie, journée!...N’importe! J’ai bien jouis de vous, je vous eus, et je vous ai tenus. Et j’ai baisé tes seins menus. Et maintenant, à toi! Bonjour, la nuit! Je te prends chacune à son tour! Nous allons coucher ensemble... Ah! Sacrebleu, mais entre nous, une autre aussi sera couchée... Ma vieille rentre...(R.Rolland. Colas Breugnon).

Семантические структуры антропонимов обозначающих девушку и женщину накладываются, соответственно на семантические структуры слов, обозначающих абстрактные понятия “avril” и “la nuit” соответственно, на основе общих сем “молодость”, выводимая на “avril” логически /обычно в апреле природа возбуждается, приобретает свежий и красивый вид, и по отношению к времени года она является как бы молодостью / и “отнесенность “ночи” с

лежанием в постели”, выражаемые в лексемах “*les seins menus*”, “*coucher*” употреблением второго лица что в свою очередь может быть написано формально $a \in (ab+p \leq an \leq c) \leq s$.

Если антропоним и неантропоним не имеют общей черты /в языковом плане –общей семы/ в своей объективной природе или им невозможно приписать данную черту языковой средой или ситуацией, то персонификация неантропонима невозможна. И даже в сказках, дающих большой повод для персонификации неантропонима, сказочник не всегда свободен в выборе некоторых персонажей со стороны их атрибутов, если требуется определенная функция /24, 101/. В сказках и легендах часто роль общей черты /общей семы в языковом плане/ выполняют положительные или отрицательные характеристики неантропонимов, ставших в большинстве случаев уже аллегоричными. Например, в сказках обычно лиса выступает в образе хитрого и коварного персонажа на основе присущих ей коварства и хитрости, тогда как волк выступает в образе глупого и злого персонажа. Правда в русских сказках волк часто выступает в образе сильного и умного помощника, что по-видимому, связано с наблюдением, с опытом и т.п. народа выработался известный канон в выборе персонажей в сказках и легендах, анализ которых не является задачей данной работы.

Часто грамматический род служит общей семой при персонификации неантропонима /7, 121/.

Таким образом одним из необходимых условий при персонификации неантропонима является наличие общих черт, выражаемых в языке общей семой, между ним и антропонимом. Общая сема выделяется в сематических структурах слов, обозначающих разнородные предметы, оппозитивным методом или методом компетентного анализа с последующим сопоставлением сем. В синтагматике общая сема выполняет роль классемы или / синтагемы/.

Если общая черта между антропонимом и неантропонимом объективно отсутствует, или невозможно им приписать её данной ситуацией, то персонификация неантропонима невозможно, т.е. персонификация неантропонима произвольна. Таким образом «создавать хорошие метафоры - значить подмечать сходство» /1, 176/ что «служит признаком таланта» /1, 174/, а не проявлением" извечного несовершенства человеческого разума" /3, 221/.

REFERENCES

1. Аристотель "Поэтика". В кн. "Античные теории языка и стиля". М-Л. 1936.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. 1969.
3. Балли Ш. Французская стилистика. /пер. с фр. / М. 1961.
4. Варина В.Г. "Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц" в кн. "Принципы и методы семантических исследований" АН СССР, Институт языкознания М. 1976.
5. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи". В "Очерки по семантике русского глагола", учен. зап. Башкирского госуниверситета им. 40-лет. Октября. Серия филол. наук, вып.43, 16/20, Уфа,1971.
6. Гак В. К. " К проблеме синтаксической семантики /семантическая интерпретация "глубинных" и "поверхностных" структур/" в сб. "Инвариантные семантические значения и структура предложения"/доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса /. М. 1969
7. Ельмслев Л. «О категориях личности /неличности и одушевлённости – неодушевлённости» В сб. «Принципы типологического анализа языков разного строя». М. 1972.
8. Здесь знак \cap обозначает пересечения сем в объёме значения отдельных слов; фигурные скобки обозначают, что внутри их заключено семантические структуры значений слов, знак \in - принадлежность семы к семантической структуре значения отдельного слова, знак \wedge - конъюнкцию / отношение и ...и.../.
9. Кузнец Д. и Скробцев Ю.М. Стилистика английского языка, Л. 1960.
10. Курилович Е.Р. называет данную сему «общим семантическим элементом». Курилович Е.Р. «Заметки о значении слова» В.Я. 1966, № 3
11. Курилович Е.Д. считает, что в подобных случаях понятия «животное» и «человек» должны отпасть как частные понятия, вместо которых подставляется понятие «живое существо» и общий семантический элемент.
12. Медникова Э.М., Михедова Л.П. и др. «Основы компонентного анализа». М. 1969.
13. Морен М.К., Тегеревникова Н.Н. Стилистика современного французского языка. М. 1960.
14. Муряев Р.З. «Категория одушевлённости в современном немецком языке». Автореферат кандидатской диссертации. М. 1969
15. О «классеме» см. /12, 53/
16. О понятиях семы и семантической структуры отдельного значения слова см. Гак В.Г. «К проблеме гносеологических аспектов семантики слова», в «Вопросы описания лексико-семантической системы языка». Тезисы докладов. М.1971
17. О «прямой» и «косвенной» номинации, а также о «глубинной и поверхностной структурах» см. /6, 79-30/.
18. О «синтагеме» см. Гак В.Г. «К проблеме семантической синтагматики», в кн. «Проблемы структурной лингвистики 1971» М. 1972

19. О тексте и «метатексте» см. /12, 99/.
20. О терминах «фауноним», «антропоним», «неантропоним» см. Абрамов Б.А. «О понятии семантической избирательности слов» в кн. «Инвариантные семантические значения и структура предложения» / доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса/. М. 1969.
21. О «формальных» и «содержательных» понятиях см. Кацнельсон С.Д. «Содержание слова, значение и обозначение.» М. 1965.
22. Пауль Г. Принципы истории языка. М. 1960.
23. Потоцкая Н.Н. Стилистика современного французского языка. М. 1974.
24. Пропп В.Я. «Морфология сказки». М. 1968.
25. Ризель Э.Г. Персонификация, аллегория, символ. В сб. научн. труд. «Вопросы романо-германской филологии.» МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 91 М., 1975
26. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М. 1975
27. Уемов А.И. Вещи, свойства, отношения. М. 1963
28. Шакирова Ф.С. «Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метафоры». Автореф. канд. диссертации. М. 1974
29. Шендельс Е.И. «Грамматическая метафора» в НДВШ ФН 1972, № 3.
30. Adenk H., Essai sur les fondements psychologiques et linguistique de la métaphore affective. Genève 1939
31. Danell K. F L'emploi des forms fortes des pronoms personnels pour designer des choses en français moderne. Acta.